

ПИСЬМА СИБИРЯКОВ ВО ВЛАСТЬ В УСЛОВИЯХ НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

Исследование выполнено в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 14-01-00313а.

Рассматриваются письма периода новой экономической политики, адресованные жителями Сибири в различные властные инстанции от партийной ячейки до ЦК РКП(б)–ВКП(б) и Совнаркома СССР. Показано, что эти источники в совокупности свидетельствуют о наличии двух разнонаправленных тенденций: успешной интеграции в советскую систему одной части населения и тесно соседствовавшей с ней стремительной дезадаптации другой. Сделан вывод, что широко использовавшаяся населением возможность подачи апелляций в различные органы власти препятствовала развитию второй тенденции, удерживая поведение индивидов в границах существовавших норм и правил. Обращение во властные структуры, какую бы жесткую критику текущего положения оно не содержало, само по себе являлось негласным признанием авторитета и легитимности советской власти.

Ключевые слова: письма во власть; политическая адаптация; политическая повседневность; Сибирь; новая экономическая политика.

Письма во власть на протяжении нескольких десятилетий являлись и по-прежнему остаются одним из наиболее востребованных исторических источников. Сначала советские, а затем российские историки ввели в научный оборот внушительный объем писем, заявлений, ходатайств, жалоб и доносов, направленных как во властные структуры, так и конкретным лицам, облеченным властью [1–10] и др. Разнообразные по объему, содержанию, стилю, социальной и профессиональной принадлежности авторов, целевым установкам и прочим параметрам, эти источники многократно использовались исследователями для решения самого широкого спектра научных проблем: от установления конкретных исторических фактов до попыток анализа повседневной жизни и состояния общества в целом. Но, как ни парадоксально, в качестве источника, позволяющего получить новое знание о политической повседневности, проблемах, трудностях и результатах адаптации населения к постоянно меняющимся политическим условиям, письма во власть стали использоваться только в последние годы (см., напр., [9–13]).

Между тем письма сибиряков периода новой экономической политики, выявленные нами в центральных и региональных архивах, позволяют утверждать, что абсолютное большинство обращений во власть если не прямо, то опосредованно несут в себе информацию об отношении автора к этой власти, степени его включенности в политический процесс, политических взглядах, ценностях и установках. Представляется, что выявление информационного потенциала этих документов именно в русле политической истории позволит существенно дополнить и уточнить понимание того, как различные категории населения в годы нэпа воспринимали советскую власть и как относились к проводимым ею изменениям политического курса.

Завершение широкомасштабной Гражданской войны и начавшийся с весны 1921 г. постепенный переход от военного коммунизма к новой экономической политике породили у большей части населения надежды на возвращение к мирной жизни и установление элементарного порядка. За исключением той

части профессиональных революционеров, которые продолжали верить в мировую революцию и категорически не желали принимать «оппортунистический» нэп, большинство рабочих и крестьян, мужчин и женщин, коммунистов и беспартийных ожидало всё же самых позитивных перемен.

Однако в Сибири изменение политического курса протекало заметно медленнее и труднее, чем в Европейской России. Сохранение здесь продрозверстки вплоть до лета 1921 г. привело к тому, что именно сибирские крестьяне были вынуждены принять на себя основную налоговую нагрузку, что закономерно вызвало политическое недоверие с их стороны к правящему режиму в целом и к деятельности местных властей в особенности. Сказывалось на населении, кроме того, и наследие Гражданской войны. Жестокость господствовавшего в Сибири колчаковского режима вызвала у бывших подпольщиков и партизан стремление расправиться со своими политическими противниками даже после окончания военных действий. Это вылилось в целую волну самочинных реквизиций, арестов и убийств – так называемого красного бандитизма, захлестнувшего сибирскую провинцию в начале 1920-х гг. (подробнее см.: [14]). Таким образом, вопреки ожиданиям мирных жителей, рассчитывавших на установление законности и правопорядка, переход к нэпу протекал в условиях, справедливо названных в историографии «война после войны» [15. С. 15].

Недовольство, накапливавшееся среди сибирских крестьян, злоупотребления местных властей и не прекращавшийся террор обусловили широкий спектр поведенческих тактик – от прямого неповиновения в виде крестьянских восстаний до различного рода апелляций к верховной власти. Если восстания, протесты и мятежи были крайней, экстраординарной мерой, то обращения во власть явились наиболее востребованной практикой и носили без преувеличения массовый характер. На высшие, а также на областные органы партии и государства обрушился целый поток различных писем, заявлений и жалоб граждан, которые приняли или были готовы принять новый режим,

но не могли смириться с творившимися на местах преступлениями. Не только крестьяне, но и представители самых различных социальных групп, люди разного возраста, образования и политических взглядов обращались во властные инстанции: одни – в стремлении защититься от царившего произвола себя и своих близких, другие – в поисках справедливости и порядка в целом.

Одним из наиболее драматичных примеров является составленное в мае 1921 г. заявление начальника рабоче-крестьянской советской милиции 3-го района Ачинского уезда М.Н. Петренко на имя В.И. Ленина. Объясняя мотивы, побудившие его обратиться к вождю, Петренко писал: «...принимая во внимание тот грубый произвол, как самосуды над арестованными, а также и другие бесчинства над мирными гражданами, учиняемые в некоторых местностях Ачинского уезда представителями даже высших органов власти, а поэтому, я, заявитель, беру на себя смелость и считаю примерным своим долгом перед РСФСР и нашими дорогими передовыми вождями поставить в известность о нижеследующем» [10. С. 368]. Далее автор сообщал о жестоком самосуде над примерно четырьмя десятками крестьян, совершенном местными коммунистами в селе Шарыпово в ночь с 14 на 15 февраля 1921 г. (подробнее см.: [16]).

Несмотря на шокирующие факты, приведенные в письме, по структуре и стилистике это заявление можно рассматривать как вполне типичное. Апелляция на имя вождя правящей партии с критикой действий местных властей являлась своего рода продолжением глубоко укоренившейся в России традиции подачи «челобитных» на имя «добраго царя». Такие обращения широко использовались крестьянами, наименее образованными представителями рабочего класса и мелкими служащими на всем протяжении 1920-х гг. Выражая свое возмущение тем, что сотрудники ачинской милиции, члены волостного исполкома Советов и члены ячеек РКП(б) «развили страшное пьянство», а также творили «всякие бесчинства и тиранства над гражданами», М.Н. Петренко, тем не менее, нисколько не пытался экстраполировать свое недовольство на советский режим в целом. Напротив, в преамбуле и в заключительных строках письма автор выразительно демонстрировал, что разделяет большевистские идеи и искренне полагается на мудрость и опыт высшего руководства. «Во имя нашей идеи, – ходатайствовал он, – во имя партии коммунистов, убедительно прошу через посредство наших дорогих передовых вождей, как идейных и сознательных борцов за власть Советов, выслать из Центра следственную комиссию или судебного следователя для производства на месте села Шарыповского подробного дознания по делу самосудов и других произволов» [10. С. 368]. Использование притяжательных местоимений («нашей», «наших») являлось своеобразным показателем того, что М.Н. Петренко видит себя неотъемлемой частью новой политической системы. Такая самоидентификация должна была убедить адресата, что заявитель не просто поддерживает советскую власть, но и действует исключительно в её интересах.

В начале 1920-х гг. проблема политической самоидентификации для большинства населения Советской России оказалась одной из ключевых. Глубина и масштабы произошедших в России изменений заставили абсолютно всех, будь то представители интеллигенции или неграмотные крестьяне, так или иначе определить свое отношение к новой власти. В этих условиях апелляции граждан во власть стали одними из важнейших индикаторов политических настроений.

Укрепление политических позиций большевиков, даже несмотря на террор и многочисленные злоупотребления со стороны местных властей, обусловило стремление широких слоев населения вступить в РКП(б). Только с января по август 1921 г. численность Сибирской партийной организации выросла с 72,8 до 79,8 тыс. человек [17. С. 218]. Однако количество заявлений о приеме в коммунистическую партию, поданных в указанный промежуток времени, было, несомненно, гораздо больше. Одни из них были довольно быстро рассмотрены и одобрены, другие – отклонены, третьи – продолжали месяцами лежать в парткомах, не имевших ни достаточного опыта, ни бюрократических ресурсов для их оперативного рассмотрения.

Объем и содержание таких обращений заметно отличались в зависимости от возраста, уровня образования заявителей, наличия или, напротив, отсутствия у них какого-либо политического опыта. Часто такие письма носили сугубо формальный характер. Так, например, заведующий подотделом просвещения национальных меньшинств Горно-Алтайского революционного комитета И.С. Алагыззов ограничился в своей просьбе лишь двумя клишированными фразами: «Прошу принять меня в члены РКП. Вполне и безусловно признаю программу и устав РКП, которые буду выполнять полностью и вполне сознательно» [18. Л. 1]. Факты, которые могли способствовать положительному решению вопроса – участие в борьбе против контрреволюции, ведение агитационно-пропагандистской работы и т.п. – излагались отдельно в прилагаемой к заявлению автобиографии. О желании и способности авторов таких писем максимально быстро интегрироваться в новую политическую систему свидетельствовало не столько смысловое наполнение, сколько язык заявлений. Используя партийно-бюрократические штампы, их авторы, намеренно или нет, демонстрировали свою готовность к соблюдению внутрипартийных порядков.

Совсем иначе выглядели заявления тех, кто имел «контрреволюционное» прошлое или ранее уже состоял в РКП(б), но по той или иной причине был исключен из её рядов. Количество такого рода заявлений заметно выросло в конце 1921 – начале 1922 г. Причиной этого стала так называемая Генеральная чистка РКП(б), в результате которой только в Сибири «за бортом» правящей партии оказались около 13,2 тыс. человек [19. С. 8]. Уже к марту 1922 г. Сибирская комиссия по чистке РКП(б) получила 463 апелляции [20]. Сотни заявлений с требованиями о восстановлении в партии поступали в то же время в аналогичные комиссии губернского уровня, а также губернские и уездные комитеты РКП(б). Бывшие

коммунисты, оспаривая решения проверочных комиссий, заявляли о собственной благонадежности и, как правило, стремились убедить адресата в своей включенности в политический процесс. Одно из таких заявлений в декабре 1921 г. было подано политкомиссаром Усть-Ишимского лесозаготовительного района Иваном Бобровым в Тарскую комиссию по чистке РКП(б). Назвав решение об исключении из партии «убийственным», автор ссылался на свой многолетний опыт общественно-политической работы и авторитет среди местного населения. «Я, как коммунист, – писал И. Бобров, – считаю[, что] выключение меня из партии для меня, сорокалетнего человека, есть явная смерть, как в партии, так же и перед массой, окружающей меня» [21. Л. 3].

Такая целенаправленная драматизация событий являлась одним из распространенных методов убеждения партийных органов в необходимости отменить решение об исключении из РКП(б). Авторы целого ряда заявлений не столько выражали лояльность к политическому режиму, сколько стремились показать, насколько значимо и благотворно то влияние, которое оказывала на них большевистская партия. В апреле 1922 г. Каинский уездный комитет РКП(б) получил заявление от бывшего коммуниста Тимофея Пашковского, аргументировавшего необходимость восстановления его в партии прежде всего, тем, что пребывание вне коммунистических рядов может отрицательно сказаться на развитии его личности: «последующая работа парторганизации после XI съезда РКП будет настолько серьезной, что я, оторвавшись от нее, потеряю многое» [22. Л. 15].

Еще более пространными, а часто и более эмоциональными являлись заявления выходцев из других революционных партий. Бывшие бундовцы, меньшевики, правые и левые эсеры в своих попытках адаптироваться к новому режиму были вынуждены не только доказывать свою лояльность к РКП(б), но и давать подробные объяснения своим прежним поступкам. Пребывание в чуждых большевикам партиях адресанты чаще всего объясняли своей политической неграмотностью, недостатком большевистской литературы, влиянием на них эсеровской или меньшевистской пропаганды. Едва ли не извиняясь за сделанный выбор, авторы таких писем пытались убедить адресата в своем несогласии с политикой той или иной партии и доказать, что их членство было преимущественно пассивным. «Пребывая в партии [социалистов-революционеров] до марта месяца 1918 года, – заявлял в местную ячейку РКП(б) бывший токарь омских железнодорожных мастерских Г.И. Никулин, – не проявляя никаких активных шагов в защиту партии, ввиду расхождения во взглядах на практические шаги партии добровольно из партии вышел по заявлению совместно с двумя рабочими» [23. Л. 142].

В разгар и сразу после завершения состоявшегося летом 1922 г. судебного процесса над правыми эсерами выходы из непролетарских партий приобрели по-настоящему массовый характер. Главным мотивом большинства из них являлись теперь не столько политические убеждения, сколько беспокойство за соб-

ственную судьбу. Опасаясь преследований и арестов за принадлежность к «опальной» партии, эсеры индивидуально и коллективно подавали заявления в местные партийные комитеты о своем идейном и организационном разрыве с ПСР.

Стремление большинства авторов не просто избежать наказания, но и по возможности всё же интегрироваться в новую политическую систему заставляло их старательно маскировать истинные причины, побудившие отказаться от прежней партийной принадлежности. Так, например, в июне 1922 г. находившийся под арестом в Омске заместитель заведующего Омским отделом губторга Г.Г. Кафтан обратился к начальнику губернского отдела ГПУ с покаянным письмом. «Признавая, – писал Кафтан, – что программа и тактика партии социалистов-революционеров за весь период Великой русской революции шла и идет вразрез с интересами пролетариата, крестьянства и трудовой интеллигенции и, сознавая, что оставаться в ней далее – это значит способствовать вольно или невольно контрреволюции и восстановлению в конечном результате буржуазного, а в худшем случае монархического строя, что ни в коем случае не может быть в интересах трудящихся, заявляю о своем выходе из партии с[оциалистов-]р[еволюционеров]» [24. Л. 73].

Несмотря на вынужденный характер этого заявления, написанного после многочисленных допросов в ГПУ, Генрих Георгиевич в отличие от многих своих соратников осмелился открыто заявить о том, что не намерен вступать в РКП(б). Это решение, обусловленное, скорее всего, неприятием большевистских идей и порядков, было, однако, талантливо использовано Г.Г. Кафтаном для доказательства лояльности к советскому режиму. «Оставаясь беспартийным без кавычек, – писал он, – можно принести не меньшую пользу стране и трудящимся, если только не на словах, но на деле исполнять честно и добросовестно все взятые на себя обязательства по отношению к народу» [Там же]. Избранная Кафтаном поведенческая стратегия, судя по всему, оказалась успешной. Спустя полгода, 28 декабря 1922 г. Омским губернским отделом ГПУ дело Г.Г. Кафтана было прекращено «за отсутствием состава преступления» [25. С. 214–215].

Вместе с тем даже сведения о результатах и последствиях, которые имело то или иное заявление, далеко не всегда позволяют сделать однозначный и адекватный вывод о степени адаптации его автора к стремительно меняющимся политическим реалиям. В начале 1920-х гг. широко распространены были выходы не только из непролетарских партий, но и из занимавшей доминирующие позиции РКП(б). Только за время партийной чистки 1921 г. из большевистской партии в Сибири добровольно выбыли 4,8 тыс. человек [19. С. 8]. Однако, как ни парадоксально, сами по себе многочисленные заявления коммунистов о выходе из РКП(б) далеко не всегда являются свидетельством политической дезадаптации их авторов.

Так, С.В. Яров, проанализировав содержание и язык писем граждан, ходатайствовавших в 1919–1922 гг. об исключении их из партии, пришел к весь-

ма неординарному выводу. По его мнению, заявления о выходе из РКП(б) в указанные годы являлись не чем иным, как «сводом представлений о лояльности к власти, которые были у людей переходного времени» [26. С. 369]. Критически оценивая содержание документов, С.В. Яров заключил, что такие аргументы, как «слабое здоровье» и «политическая неграмотность», чаще всего служили авторам лишь маскировкой их подлинных мотивов, а прямые и косвенные заверения в благонадежности являлись по своей сути проявлением конформизма. Представляется, что проецировать эту оценку на весь комплекс заявлений о выходе из РКП(б) было бы неправомерным. Но анализ аналогичных заявлений, написанных в начале 1920-х гг. сибирскими коммунистами, позволяет утверждать, что такая линия поведения действительно прослеживается в абсолютном большинстве ходатайств.

Даже безграмотные рабочие и крестьяне, мало понимавшие в политике большевиков, выходя из партии, интуитивно опасались, что их поступок может быть расценен как враждебность по отношению к власти, и потому в своих письмах горячо уверяли партийный комитет, что желают покинуть РКП(б) исключительно по независимым от них причинам. Наиболее распространенными из них были состояние здоровья, недостаток средств для выплаты членских взносов, упадок хозяйства, раздоры в семье. Малограмотный рабочий С. Токарь в марте 1921 г., например, писал в один из районных комитетов РКП(б) города Омска: «Придеш[ь] с собрания ноч[ь]ю[.] стучиш[ь] по целым часам[., жена] неотворят двирей[.] приходится срывать двери с крючка и вот враздоре мне приходится скандалить и[.] конечно[.] незнаю какойбы ку[м]му[н]ист обошелся без скандалу когда стучиш[ь] целый час нахолоди[., а] когда влезши уже силой в комнату холодный и иногда голодный приходится скандалит[ь,] дитишки плачут[.] Расходит[ь]ся с жиной [-] дитей жалко[.] потому [что] малин[ь]кие. И вот поришил выити изпартии» [27. Л. 18].

О своем недовольстве политикой РКП(б) или разочаровании в ней заявляли лишь единицы. Но именно в их обращениях и ходатайствах ярче всего проявились все те трудности и противоречия, с которыми сталкивались люди в процессе политической адаптации. Примером такого рода писем служит заявление С.Д. Шишкина, адресованное в самом начале 1922 г. в Риддерский волостной комитет РКП(б). Заявитель сообщал: «Я выхожу из партии, а основания таковы[:] всё, что делается в партии у нас в Риддере и в уезде, то не сходится с моим мнением» [28. Л. 18]. Далее на двух больших страницах плотным почерком автор письма подробно объяснял свое недовольство невозможностью свободно высказываться на партсобраниях, существенной разницей в материально-бытовом положении между ответственными работниками и рядовыми коммунистами, процветавшей спекуляцией и бесхозяйственностью. Вину за происходившие на руднике безобразия С.Д. Шишкин целиком возлагал на местных коммунистов: «Я и другие такие же товарищи создали революцию и двигали её с 1904 г., но вот тепер[ь] пришли новые люди на смену

нам или на помощ[ь], и мы им были рады <...> но, увы, надежды наши не оправдалис[ь,] внов[ь] испеченные коммунисты повели революцию вправо, вплоть до кадетизма». «Под шапку коммунистов полезла всякая сволоч[ь]», – не стесняясь в выражениях, писал далее автор. Примечательно, что С.Д. Шишкин в отличие от большинства других заявителей нещадно критиковал не только низовых партийных работников, обвиняя их в контрреволюции, но и выражал свою неудовлетворенность политикой партии в целом. В частности, по его мнению, состоявшаяся в конце 1921 г. Генеральная чистка РКП(б) не достигла поставленной цели, поскольку в ходе неё из партии «выбросили не тех, кого следовало». Столь смелые высказывания в адрес правящей партии завершались не менее смелым выводом. «Я должен выйти из партии, – резюмировал С.Д. Шишкин, – дал[ь]ше в ней мне делат[ь] нечего, пока она будет таковой» [28. Л. 19].

Смысловое и эмоциональное разнообразие писем, составленных, казалось бы, на одну и ту же тему, демонстрирует всю многогранность политических настроений и взглядов, господствовавших в Сибири в начале 1920-х гг. С одной стороны, абсолютное большинство ходатайств, будь то заявления о приеме в РКП(б) или, напротив, о выходе из неё, свидетельствовали о стремлении их авторов самыми разными способами выразить свою лояльность и преданность действовавшему режиму. С другой стороны, наличие писем коммунистов, содержавших острую критику в адрес РКП(б) или отдельных партийных ячеек, показывает, что даже членство в правящей партии не являлось твердой гарантией политической адаптации. Резкие и зачатую хаотичные изменения политического курса в сочетании с бесчинствами местных властей вызывали острое неприятие как у членов РКП(б), так и у беспартийной массы.

Позитивные тенденции наметились только в конце 1922 – начале 1923 г., когда постепенный переход от революционной к социалистической законности и начавшиеся экономические реформы несколько ослабили накопившееся в обществе напряжение. Свидетельством этого стало постепенное изменение приоритетной тематики писем во власть. Анализ выявленных нами обращений за 1923–1925 гг. позволяет утверждать, что в это время на первый план всё больше выдвигалась потребность в решении социальных и материально-бытовых проблем.

Одним из показателей адаптации к изменениям политического курса можно считать обращения представителей интеллигенции, выходцев из мещанских семей и зажиточных крестьян в губернские и уездные исполкомы Советов с ходатайствами о возвращении им движимого и недвижимого имущества, национализированного или муниципализированного в период «военного коммунизма».

Объединенные общей целью, авторы таких заявлений прибегали к самым различным аргументам. Более образованные и деятельные ссылались на нормы и постановления различных структур, малограмотные же, как правило, стремились вызвать сочувствие и / или сожаление к своей судьбе со стороны

советского режима. Некоторые же прибегали и к первому и ко второму методу одновременно. «Я обращаюсь к защите и справедливости Советской Власти, возмущенных ею всем несчастным, – писала бывшая учительница М.В. Двинянинова в июне 1923 г., – и хочу верить, что по декретам, изданным по сему предмету, у меня дом в этом году уже национализирован быть не может, в котором я занимаю всего лиш[ь] угол» [29. Л. 23]. В этом заявлении, адресованном в Омский губисполком Советов, автор объясняла, что осталась вдовой еще до 1919 г. и с тех пор зарабатывала на жизнь, давая уроки. Опасаясь приближавшейся в силу возраста нетрудоспособности, пожилая женщина решила продать дом, когда вдруг обнаружила, что он считается национализированным. Позиционируя себя «маленьким человеком» в огромном государстве, М.В. Двинянинова взывала к власти: «Один маленький деревянный дом обеспечит бедную старуху, и не оскудеет Республика без него» [Там же].

Несмотря на то, что это ходатайство, как и многие другие, было отклонено, сам факт того, что люди почувствовали перемены, наметившиеся в политике правящей партии в связи с переходом к нэпу, и попытались воспользоваться ими для решения личных проблем, демонстрирует их способность довольно быстро адаптироваться к менявшимся реалиям.

Небольшие послабления в экономической сфере сопровождалась всё большей централизацией сферы политической. Декларируемый большевиками курс на развитие рабочей демократии в действительности был подменен повсеместным «назначенством» и всевозможными ограничениями политических прав и свобод. Естественной реакцией на эти процессы стали многочисленные обращения граждан в партийные и государственные органы власти с просьбами объяснить причины происходящего, устранить нарушения и как можно скорее восстановить справедливость.

Уже в первой половине 1920-х гг. во властные органы самых разных уровней стали поступать многочисленные заявления с жалобами на несправедливое лишение избирательных прав. Причем мотивом, который чаще всего побуждал авторов таких писем апеллировать во власть, являлось не только, а порой и не столько стремление вернуть себе право избирать и быть избранными, сколько желание доказать неправомерность примененных к ним санкций. Так крестьянин села Щеглова Чановской волости Татарского уезда Ф.Ф. Кочнев в середине июля 1923 г. обратился с жалобой в Омский губернский исполком Советов, в которой сообщил, что во время перевыборов сельсовета по единоличному решению прибывшего из Чанов председателя избирательной комиссии Петухова он был «лишен права голоса, как якобы: “кулак, торгаш и коммерсант”» [29. Л. 85]. Выражая категорическое несогласие с такой характеристикой, Ф.Ф. Кочнев негодовал: «Лично мне положительно чужды всякие стремления к занятию какой бы то ни было должности по выборам, ибо это послужило бы лишь подрывом моему хозяйству, но в то же время не могу обойти молчанием того обстоятельства, что руководство выборами поручается почему-то именно

лицам с узкими кругозорами, совершенно незнакомым с укладом и бытом землеробов-крестьян» [29. Л. 85].

С аналогичной жалобой в конце ноября – начале декабря 1924 г. обратились к Генеральному секретарю ЦК РКП(б) И.В. Сталину крестьяне села Белый Яр Абаканского района Минусинского уезда Енисейской губернии. Главным предметом недовольства крестьян стал состоявшийся в их селе кооперативный съезд, на котором вопреки возражениям большинства делегатов в члены правления был проведен некий Гуляев – коммунист, однако, «человек почти неграмотный, грубый и в высшей степени невоздержанный». Заявители подробно описали процедуру «выборов», в ходе которых, несмотря на выкрики протеста со стороны присутствовавших крестьян, президиум съезда внес в протокол запись о единогласном избрании членов правления. «Мы хотим знать, – обращались крестьяне к И.В. Сталину, – почему нас лишили в коллективном свободном государстве свободного слова, коллективного выбора» [30. Л. 61–63]. Демонстрируя свое крайнее возмущение, сельские жители призывали вождя к немедленному восстановлению справедливости: «Нам нужно снять позор с нашей деревни и района, и мы просим восстановить нас через партию в правах выбора и решения вопросов. Мы обращаемся к партии в вашем лице, а не [к] заграничным бандам и уверены, что вы сделаете все зависящее от вас, чтобы расследовать эту ужасную для нас историю. Вы это обязаны сделать как первый коммунист» [Там же].

По мере укрепления сталинской диктатуры число граждан, не просто отстраненных от процедуры выборов, но официально лишенных избирательных прав, неуклонно росло. По подсчетам исследователей, в 1925 г. только в Сибирском крае насчитывалось 32,9 тыс. «лишенцев», в 1926–1927 г. – 141, в 1928 г. – 218 тыс. [31]. Столь стремительный рост этой категории населения закономерно обусловил появление целого комплекса писем, авторы которых пытались оспорить решения избирательных комиссий. Причем подлинные мотивы, побуждавшие «лишенцев» активно обращаться в районные и окружные исполкомы Советов в 1926–1929 гг., как правило, отличались от мотивов аналогичных заявлений более раннего времени. Если в первой половине 1920-х гг. «лишенцы» заботились либо о возвращении права участия в выборах, либо просто о восстановлении испорченной репутации, то к концу десятилетия главным мотивом подачи таких заявлений стало стремление избавиться от различных дополнительных ограничений: исключение из профсоюзов и кооперативов, увольнение со службы, невозможность поступления в вузы и т.д.

Авторы таких писем, как правило, обстоятельно объясняли, когда и как были лишены права голоса, а также приводили порой обширные автобиографические сведения, на основе которых пытались доказать, что никаких реальных оснований для лишения их избирательных прав на самом деле не существовало. «Будучи всю свою жизнь батраком, – писал крестьянин В.А. Меркулов в один из окружных исполкомов Советов, – и ведя тяжелый трудовой образ жизни, я сч[и]таю лишение меня избирательных прав неспра-

ведливым» [32. Л. 23]. Статус «лишенца» со всеми сопутствующими правовыми ограничениями являлся для его обладателя серьезной предпосылкой к стремительной политической дезадаптации. Однако многочисленные ходатайства, посредством которых «лишенцы» пытались наладить конструктивный диалог с властью и добиться изменения своего положения, свидетельствуют как раз об обратном. Последовательно опровергая те или иные обвинения в свой адрес (частная торговля, использование наемного труда, родственная связь с лицами, уже лишенными избирательных прав и т.д.), авторы этих заявлений даже не пытались усомниться в правомерности «лишенчества» вообще, тем самым выражая свое согласие с государственной политикой. Как правило, они старались убедить адресата в том, что решение избирательной комиссии в данном конкретном случае было принято либо по недоразумению, либо по наговору со стороны недоброжелателей.

Еще одной распространенной причиной, побуждавшей людей обращаться в высшие инстанции, являлось становившееся всё более и более заметным социальное неравенство между беспартийными и коммунистами, рядовыми членами партии и ответственными работниками, теми служащими, которые не имели семей, и теми, на иждивении которых находились многочисленные нетрудоспособные родственники (дети, старики, инвалиды). Еще в середине 1920-х гг. жительница г. Иркутска Г. Ширяева писала заместителю председателя Совнаркома СССР Л.Б. Каменеву: «Ответработник, если один или вдвоем с женой <...> он живет ни в чем себе не отказывая и даже больше. Но, если он имеет несчастье приобрести трех, а иногда и больше детей, он еле-еле сводит концы с концами, а в большинстве случаев бедствует». «И получается в результате, – объясняла далее Г. Ширяева, – вопиющая несправедливость: ответработники одинакового удельного веса, способностей, одинаково работающие, занимающие равноценные должности – одни бедствуют, другие даже иногда копят деньги на черный день» [28. Л. 12].

Социальное неравенство и тяжелое материальное положение, которые широкие слои населения терпеливо переносили в годы Гражданской войны, в условиях мирного времени оправдать было гораздо труднее. А существование в этих условиях различных привилегий для партийной и советской номенклатуры закономерно вызывало резко негативную реакцию со стороны низкоквалифицированных рабочих, крестьян-бедняков и мелких служащих. «Праздная жизнь» и пьянство ответственных работников, бывшие весьма распространенным явлением, отрицательно сказывались не только на восприятии населением местной власти, но и на авторитете правящей партии в целом. «Ведь нельзя же ничего не делать и жалование получать» [33. Л. 82], – удивлялся деятельности районных культурных работников крестьянин деревни Ивановка Березовского района Ачинского округа П.Ф. Демаков в своем письме к М.И. Калинину от 24 августа 1926 г.

Несколько месяцев спустя, уже в 1927 г., коммунист Новиков из г. Щегловска в своем письме, адре-

сованном в Сибирский крайком ВКП(б), дал еще более резкую характеристику происходящего. Он открыто обвинил краевое руководство в том, что сведения, публикуемые в газетах, а также в докладах краевого комитета, не соответствуют положению в крае, а неравенство, имевшее место в партийной среде, превосходит все разумные пределы. «Какое может быть единство партии, – негодовал Новиков, – когда некоторые партийцы обжираются, жрут в три глотки, а некоторые сидят голодные как собаки» [34. Л. 145]. «Где завоевания Октября?» – спрашивал Новиков. И сам же отвечал: «Нет его, вместо рабочего и крестьянина пользуются [благами] спецы да нэпманы» [Там же]. Простые рабочие и мелкие служащие, испытывавшие постоянные материальные трудности и одновременно наблюдавшие, как живут работники более высокого ранга, имели все основания для недовольства действующей властью.

С 1928 г. всё более негативное отношение к режиму стало проявляться и в деревне. Курс на использование чрезвычайных методов хлебозаготовок, принятый после осуществленной в январе – феврале 1928 г. секретной командировки И.В. Сталина в Сибирь и прямо противоречивший решениям состоявшегося в декабре 1927 г. XV съезда ВКП(б) (подробнее см.: [35]), серьезно подорвал доверие к власти со стороны крестьянства. Отсутствие единых критериев для причисления крестьянского хозяйства к той или иной категории (бедняцкое, середняцкое, кулацкое), тяжесть налогового бремени и уголовное преследование за отказ сдавать хлеб государству вызвали целый поток жалоб и обращений как в органы власти, так и в советские газеты.

В июле 1928 г. один из крестьян села Зарослое Исилькульского района Омского округа обращался к крестьянскому адвокату газеты «Сельская правда»: «Я знаю, что наша советская власть старается восстановить крестьянское хозяйство, но на местах это выходит наоборот, стараются разорить крестьянское хозяйство. До 1922 г. я был бедняком маломощным, но когда в настоящее время у меня хозяйство стало повышаться, то оно еще не окрепло и [не] стало на середняцкий уровень, его обложили индивидуальным налогом, но я его платить не в силах» [36. Л. 14]. Считая применение индивидуального обложения в данном случае «в корне несправедливым», заявитель просил освободить его от налога, которым на самом деле должны были облагаться только зажиточные хозяйства. Такое стремление отстоять свой социальный статус и избежать тем самым налогов и / или репрессий, применявшихся по отношению к так называемым кулакам, стало, пожалуй, наиболее распространенным мотивом обращения крестьян во власть на протяжении 1928–1929 гг.

Почти все заявления «лишенцев», ходатайствовавших о восстановлении их в избирательных правах, жалобы рабочих и служащих на свое материальное положение и письма крестьян с просьбами облегчить налоговое бремя носят личностный характер: их авторы в большинстве случаев обеспокоены решением конкретной проблемы, касающейся их персонально.

И в то же время именно эти обращения в совокупности свидетельствуют о стремительно нарастающей к концу 1920-х гг. дезадаптации не просто индивидов, а целых социальных групп.

Однако даже в этих условиях авторитет верховной власти, как ни парадоксально, оставался достаточно высок. Этому способствовали как многовековая российская традиция обвинять во всех бедах исключительно местных чиновников, так и успехи партийно-советского руководства в идеологической сфере.

Особое значение второй фактор имел по отношению к молодежи. Сохранившиеся в архивах детские и юношеские письма позволяют убедиться в успешном восприятии их авторами насаждавшихся советской властью политических представлений, ценностей и установок, а также специфической терминологии – так называемого советского новояза. Молодые люди, обращавшиеся с теми или иными просьбами в различные органы власти, как правило, стремились убедить адресата в своей политической сознательности, верности режиму и готовности трудиться на благо Советского государства.

Демонстрируя самостоятельность и независимость, они нередко противопоставляли свой образ мысли и поведение образу мысли и поведению своих родителей. В стремлении адаптироваться к политическому режиму идеологически «обработанные» представители молодого поколения прибегали порой к самым серьезным обвинениям в адрес даже ближайших родственников. Например, юный пионер Николай Чемоданов, 12 января 1925 г. обратившийся в Новониколаевский губернский исполком Советов с ходатайством о перемене фамилии, аргументировал свою просьбу следующим образом: «Я желаю переменить фамилию свою, которая связана с прошлыми грязными делами моих родителей, которые подняли руки на Соввласть. Я ушел от матери, не желая быть под её влиянием, порвал всю связь навсегда» [37. Л. 24].

Другой характерной чертой детских и юношеских писем второй половины 1920-х гг. стала их перенасыщенность идеологическими, чаще всего газетными штампами. Постоянный поиск внутреннего врага,

особенно усилившийся после так называемого Шахтинского процесса, заметно сказался на юношеском сознании. Так, в середине июня 1928 г. 15-летний ученик школы при химическом заводе в г. Щегловске А.Х. Волкож писал: «Везде, где не читаешь газету, нередко узнаешь, что где-нибудь сгорел завод или затопили шахту, там [то] ведут неправильную разработку пластов угля, то покупают ненужные машины <...>. Всё это темные делишки подкупленных контрреволюционеров, исполняющих волю капитала, который хочет с помощью этих подлых контрреволюционеров задушить союз рабочих и крестьян советской страны» [38. Л. 48].

Подраставшее поколение, воспитанное под воздействием советской пропаганды, в большинстве своем искренне верило в правильность политики советской власти и, следовательно, гораздо проще принимало установленные верховной властью «правила игры». Эта категория населения проще всего адаптировалась к изменениям политического курса и уже в ближайшем будущем должна была стать верной опорой сталинского режима.

Письма сибиряков во власть периода новой экономической политики свидетельствуют о наличии двух разнонаправленных тенденций. Успешная интеграция в советскую систему одной части населения – идеологически устойчивых коммунистов, комсомольцев, пионеров – тесно соседствовала со стремительной дезадаптацией другой – прежде всего крестьян и «лишенцев». Однако широко использовавшаяся населением возможность подачи апелляций в различные органы власти или напрямую партийно-советским вождям препятствовала развитию второй тенденции, удерживая поведение индивидов в границах существовавших норм и правил. Обращение во властные структуры, какую бы жесткую критику текущего положения оно не содержало, само по себе являлось негласным признанием авторитета и легитимности советской власти. Поэтому письма, заявления и ходатайства граждан во власть следует рассматривать не только как ценный источник, но и как важный фактор адаптации населения к стремительно менявшимся политическим реалиям.

ЛИТЕРАТУРА

1. Письма трудящихся В.И. Ленину. 1917–1924 гг. : сб. / предисл. Н.С. Гудковой ; сост. Н.В. Бычкова, А.И. Ветошкин, П.В. Мананникова и др. М. : Госполитиздат, 1960. 462 с.
2. Товарищу Ленину. Письма трудящихся В.И. Ленину. 1917–1924 : сб. / предисл. Н. Грибачева. 2-е изд., доп. М. : Политиздат, 1969. 527 с.
3. Письма во власть. 1917–1927. Заявления, жалобы, доносы, письма в государственные структуры и большевистским вождям / сост. А.А. Лившин, И.Б. Орлов. М. : РОССПЭН, 1998. 664 с.
4. Приговоры и наказания крестьян Центральной России. 1905–1907 гг. : сб. док. / авт.-сост. Л.А. Сенчакова ; под ред. В.П. Данилова, А.П. Корелина. М. : Эдиториал УРСС, 2000. 416 с.
5. Письма во власть. 1928–1939: Заявления, жалобы, доносы, письма в государственные структуры и советским вождям / сост. А.А. Лившин, И.Б. Орлов, О.В. Хлевнюк. М. : РОССПЭН, 2002. 528 с.
6. Письма смоленских крестьян в редакцию «Крестьянской газеты». Материалы по социальной истории провинции середины 1920-х годов / сост. М.В. Каиль, О.В. Кобец ; под ред. Е.В. Кодина. Смоленск : Изд-во СмолГУ, 2011. 56 с.
7. Приветственные послания Верховному правителю и Верховному главнокомандующему адмиралу А.В. Колчаку. Ноябрь 1918 – ноябрь 1919 г. : сб. док. / сост. и науч. ред. В.В. Журавлев. СПб. : Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2012. 560 с.
8. «Проверкой заявления установлено...»: Повседневная жизнь людей в письмах и обращениях к власти. 1930-е годы : сб. док. / под ред. Е.В. Кодина. Смоленск : Свиток, 2013. 392 с.
9. Письма во власть в эпоху революции и гражданской войны (март 1917 – ноябрь 1919 г.) : сб. док. / сост. и науч. ред. В.И. Шишкин. Новосибирск : Параллель, 2014. 279 с.
10. Письма во власть в эпоху революции и гражданской войны (март 1917 – май 1921 г.) : сб. док. / сост. и науч. ред. В.И. Шишкин. 2-е изд., расшир. и доп. Новосибирск : Автограф, 2015. 418 с.

11. Орлов И.Б. Политическая культура России XX века : учеб. пособие. М. : Аспект-Пресс, 2008. 223 с.
12. Тихомиров А.А. «Режим принудительного доверия» в Советской России, 1917–1941 годы // Неприкосновенный запас. 2013. № 6 (92). С. 98–117.
13. Журавлев В.В. Политическая адаптация в гражданской войне: опыт сравнительного анализа приветственных посланий населения Сибири председателю Совнаркома В.И. Ульянову-Ленину и Верховному правителю адмиралу А.В. Колчаку // Политическая адаптация населения Сибири в первой трети XX века : сб. науч. ст. / науч. ред. В.И. Шишкин. Новосибирск : Параллель, 2015. С. 121–144.
14. Шишкин В.И. Красный бандитизм в Советской Сибири // Советская история: проблемы и уроки. Новосибирск, 1992. С. 3–79.
15. Павлюченков С.А. Экономический либерализм в пределах политического монополизма // Россия эпохальная. М., 2002. С. 15–57.
16. Шишкин В.И. Шарыповское дело (к истории красного бандитизма в Сибири) // Сибирские огни. 1993. № 5–6. С. 115–130.
17. Гузаров В.Н., Кузнецова Т.А. Организационно-партийная работа в Сибири. 1920–1930 гг. Рукопись, депонированная в ИНИОН РАН. Томск, 1985. 245 с.
18. Государственный архив Республики Алтай. Ф. П-1166. Оп. 2. Д. 2.
19. Всероссийская перепись членов РКП(б) 1922 года. М., 1923. Вып. 4. Состав РКП(б-ов) по итогам предварительной разработки. [6], 47, 15 с., 9 л. диагр.
20. Пятая Сибирская конференция РКП // Советская Сибирь. 1922. 23 марта.
21. Государственный исторический архив Омской области (далее – ГИАОО). Ф. П-60. Оп. 2. Д. 4.
22. Государственный архив Новосибирской области (далее – ГАНО). Ф. П-14. Оп. 1. Д. 172.
23. ГИАОО. Ф. П-1. Оп. 4. Д. 57.
24. Архив управления ФСБ по Омской области. Д. П-7738 (документ предоставлен В.И. Шишкиным).
25. Западно-Сибирский комиссариат Временного Сибирского правительства (26 мая – 30 июня 1918 г.) : сб. док. и материала / сост. и отв. ред. В.И. Шишкин. Новосибирск, 2005. 246 с.
26. Яров С.В. Мотивация выхода из РКП(б) в 1919–1922 гг. как форма выражения политической лояльности // Антропология революции : сб. ст. / сост. и ред. И. Прохорова, А. Дмитриев, И. Кукулин, М. Майофис. М., 2009. С. 361–372.
27. ГИАОО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 19.
28. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 613. Оп. 4. Д. 31.
29. ГИАОО. Ф. Р-27. Оп. 1. Д. 243.
30. ГАНО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 24.
31. Саламатова М.С. «Лиценцы» // Историческая энциклопедия Сибири. Новосибирск, 2009. Т. 2. С. 290–291.
32. Государственный архив Кемеровской области. Ф. Р-18. Оп. 2с. Д. 1068.
33. ГАНО. Ф. П-2. Оп. 2. Д. 107.
34. ГАНО. Ф. П-2. Оп. 2. Д. 247.
35. Шишкин В.И. Командировка И.В. Сталина в Сибирь 15 января – 6 февраля 1928 г. // Наука из первых рук. Новосибирск, 2014. № 3/4. С. 150–163.
36. ГАНО. Ф. Р-47. Оп. 5. Д. 96.
37. Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-393. Оп. 50. Д. 455.
38. Государственный архив Алтайского края. Ф. П-4. Оп. 3. Д. 61.

Статья представлена научной редакцией «История» 7 июня 2016 г.

LETTERS OF SIBERIANS TO THE POWER IN THE CONDITIONS OF THE NEW ECONOMIC POLICY

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2016, 412, 89–97.

DOI: 10.17223/15617793/412/15

Tatiana I. Morozova, Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: mti137@yandex.ru

Keywords: letters to power; political adaptation; political daily; Siberia; New Economic Policy.

The article considers letters of the New Economic Policy period, addressed by Siberians to different power authorities from party cells to the Central Committee of RCP(b)–AUCP(b) and the USSR Sovnarkom. Most of letters have information about people’s attitude toward power, about the degree of their involvement in the political process, political views and values. In the beginning of the 1920s, one of the biggest problems for most of the Siberian population was the problem of political self-identification. The major part of applications for membership in RCP(b) or for withdrawal from RCP(b) showed the application authors’ loyalty and devotion to the regime. At the same time, letters with criticism were an example that membership in the ruling party did not guarantee political adaptation. Both RCP(b) members and non-party people resented the sharp change in policy and the roistering of the local authorities. In the documents of 1923–1925, attention was paid to social, material and domestic problems. Intellectuals, philistines, wealthy farmers asked the power to return their nationalized property, to provide financial support when they felt changes in policy. In the second half of the 1920s, the situation changed again. The practice of deprivation of electoral rights, the dissolution of NEP caused complaints. Totally, letters became evidence of political maladjustment not only of individuals, but also of social groups. However, the authority of the supreme power remained high enough. Young people who grew under the influence of Soviet propaganda sincerely believed in the correctness of the Soviet regime. Their letters showed that this population could easily adapt to the changing policy. What is more, soon young people were to be loyal supporters of the Stalinist regime. Generally, letters of the NEP years from Siberians to the power show two different trends: successful integration in the Soviet system of one part of the population and rapid maladjustment of the other part. It is concluded that the widely used opportunity to appeal to various authorities of public prevented the development of the second trend. It kept the behavior of individuals within the existing rules. Every appeal to power, no matter how critical it was, became a tacit recognition of the authority and legitimacy of the Soviet regime.

REFERENCES

1. Bychkova, N.V. et al. (1960) *Pis'ma trudyashchikhsya V.I. Leninu. 1917–1924 gg.* [Letters of workers to V.I. Lenin. 1917–1924]. Moscow: Gospolitizdat.
2. Gribachev, N. (ed.) (1969) *Tovarishchu Leninu. Pis'ma trudyashchikhsya V.I. Leninu. 1917–1924* [To Comrade Lenin. Letters of workers to V.I. Lenin. 1917–1924]. 2nd ed. Moscow: Politizdat.
3. Livshin, A.Ya. & Orlov, I.B. (1998) *Pis'ma vo vlast'. 1917–1927. Zayavleniya, zhaloby, donosy, pis'ma v gosudarstvennye struktury i bol'shevistskim vozhdyam* [Letters to the power. 1917–1927. Applications, complaints, denunciations, letters to government agencies and the Bolshevik leaders]. Moscow: ROSSPEN.

4. Senchakova, L.A. (2000) *Prigovory i nakazy krest'yan Tsentral'noy Rossii. 1905–1907 gg.: sb. dok.* [Sentences and requests of the peasants of Central Russia. 1905–1907: documents]. Moscow: Editorial URSS.
5. Livshin, A.Ya., Orlov, I.B., Khlevnyuk, O.V. (2002) *Pis'ma vo vlast'. 1928–1939: Zayavleniya, zhaloby, donosy, pis'ma v gosudarstvennyye struktury i sovetskim vozhdyam* [Letters to the power. 1928–1939: Applications, complaints, denunciations, letters to government agencies and the Soviet leaders]. Moscow: ROSSPEN.
6. Kodin, E.V. (ed.) (2011) *Pis'ma smolenskikh krest'yan v redaktsiyu "Krest'yanskoy gazety". Materialy po sotsial'noy istorii provintsii serediny 1920-kh godov* [Letters of Smolensk peasants to the editor of Krest'yanskaya gazeta. Materials on the social history of the province of the mid-1920s]. Smolensk: Smolensk State University.
7. Zhuravlev, V.V. (ed.) (2012) *Privetstvennyye poslaniya Verkhovnomu pravitel'yu i Verkhovnomu glavnokomanduyushchemu admiralu A.V. Kolchaku. Noyabr' 1918 – noyabr' 1919 g.: sb. dok.* [Greetings to Supreme Ruler and Supreme Commander Admiral A.V. Kolchak. November 1918 – November 1919: documents]. St. Petersburg: European University in St. Petersburg.
8. Kodin, E.V. (ed.) (2013) *"Proverkoy zayavleniya ustanovleno...": Povsednevnyaya zhizn' lyudey v pis'makh i obrashcheniyakh k vlasti. 1930-e gody: sb. dok.* ["Application revision found...": The daily lives of people in the letters and appeals to the authorities: documents]. Smolensk: Svitok.
9. V.I. Shishkin, V.I. (ed.) (2014) *Pis'ma vo vlast' v epokhu revolyutsii i grazhdanskoj vojny (mart 1917 – noyabr' 1919 g.): sb. dok.* [Letters to the power in the era of revolution and civil war (March 1917 – November 1919): documents]. Novosibirsk: Parallel'.
10. V.I. Shishkin, V.I. (ed.) (2014) *Pis'ma vo vlast' v epokhu revolyutsii i grazhdanskoj vojny (mart 1917 – may 1921 g.): sb. dok.* [Letters to the power in the era of revolution and civil war (March 1917 – May 1921): documents]. 2nd ed. Novosibirsk: Avtograf.
11. Orlov, I.B. (2008) *Politicheskaya kul'tura Rossii XX veka* [The political culture of Russia of the 20th century]. Moscow: Aspekt-Press.
12. Tikhomirov, A.A. (2013) "Rezhim prinuditel'nogo doveriya" v Sovetskoj Rossii, 1917–1941 gody ["Forced confidence mode" in Soviet Russia, 1917–1941]. *Neprikosnovennyj zapas*. 6 (92). pp. 98–117.
13. Zhuravlev, V.V. (2015) Politicheskaya adaptatsiya v grazhdanskoj vojne: opyt sravnitel'nogo analiza privetstvennykh poslanij naseleniya Sibiri predsedatelyu Sovnarkoma V.I. Ulyanovu-Leninu i Verkhovnomu pravitel'yu admiralu A.V. Kolchaku [Political adaptation in the Civil War: the experience of a comparative analysis of greetings of the population of Siberia to CPC chairman V.I. Ulyanov-Lenin and Supreme Ruler Admiral A.V. Kolchak]. In: Shishkin, V.I. (ed.) *Politicheskaya adaptatsiya naseleniya Sibiri v pervoy treti XX veka* [Political adaptation of Siberian population in the first third of the 20th century]. Novosibirsk: Parallel'.
14. Shishkin, V.I. (1992) Krasnyj banditizm v sovetskoj Sibiri [Red banditry in Soviet Siberia]. In: Shishkin, V.I. (ed.) *Sovetskaya istoriya: problemy i uroki* [Soviet History: challenges and lessons]. Novosibirsk: Nauka.
15. Pavlyuchenkov, S.A. (2002) Ekonomicheskij liberalizm v predelakh politicheskogo monopolizma [Economic liberalism within political monopoly]. In: Yakovlev, A.N. (ed.) *Rossiya nepovskaya* [NEP Russia]. Moscow: Novyy khronograf.
16. Shishkin, V.I. (1993) Sharypovskoe delo (k istorii krasnogo banditizma v Sibiri) [Sharypovo case (the history of red banditry in Siberia)]. *Sibirskie ogni*. 5–6. pp. 115–130.
17. Guzarov, V.N. & Kuznetsova, T.A. (1985) *Organizatsionno-partijnaya rabota v Sibiri. 1920–1930 gg. Rukopis', deponirovannaya v INION RAN* [Party organizational work in Siberia. 1920s–1930s. Manuscript deposited in the Institute of Scientific Information on Social Sciences, RAS]. Tomsk: [s.n.].
18. State Archive of the Altai Republic. Fund P-1166. List 2. File 2. (In Russian).
19. Statistics Department of the Central Committee of the RCP. (1923) *Vserossiyskaya perepis' chlenov RKP(b) 1922 goda* [The all-Russian census of the members of the RCP (b) in 1922]. Vol. 4. Moscow: Izd. otd-nie TsK RKP.
20. Sovetskaya Sibir'. (1922) Pyataya Sibirskaya konferentsiya RKP [The Fifth Conference of the RCP]. *Sovetskaya Sibir'*. 23 March.
21. State Historical Archive of Omsk Oblast (GIAOO). Fund P-60. List 2. File 4. (In Russian).
22. State Archive of Novosibirsk Oblast (GANO). Fund P-14. List 1. File 172. (In Russian).
23. State Historical Archive of Omsk Oblast (GIAOO). Fund P-1. List 4. File 57. (In Russian).
24. FSB Administration Archive of Omsk Oblast. File P-7738 (document provided by V.I. Shishkin).
25. Shishkin, V.I. (ed.) (2005) *Zapadno-Sibirskiy komissariat Vremennogo Sibirskogo pravitel'stva (26 maya – 30 iyunya 1918 g.): sb. dok. i mater.* [West Siberian Commissariat of the Provisional Siberian Government (26 May – 30 June 1918): documents and materials]. Novosibirsk: Novosibirsk State University.
26. Yarov, S.V. (2009) Motivatsiya vykhoda iz RKP(b) v 1919–1922 gg. kak forma vyrazheniya politicheskoy loyali'nosti [Motivation of secession from the RCP (b) in 1919–1922 as a form of expression of political loyalty]. In: Prokhorova, I., Dmitriev, A., Kukulin, I. & Mayofis, M. (eds) *Antropologiya revolyutsii* [Anthropology of revolution]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
27. State Historical Archive of Omsk Oblast (GIAOO). Fund P-1. List 1. File 19. (In Russian).
28. Russian State Archive of Socio-Political History. Fund 613. List 4. File 31. (In Russian).
29. State Historical Archive of Omsk Oblast (GIAOO). Fund R-27. List 1. File 243. (In Russian).
30. State Archive of Novosibirsk Oblast (GANO). Fund P-2. List 1. File 24. (In Russian).
31. Salamatova, M.S. (2009) "Lishentsy" [Non-voters]. In: Lamin, V.A. (ed.) *Istoricheskaya entsiklopediya Sibiri* [Historical Encyclopedia of Siberia]. Vol. 2. Novosibirsk: Istoricheskoe nasledie Sibiri.
32. State Archive of Kemerovo Oblast. Fund R-18. List 2s. File 1068. (In Russian).
33. State Archive of Novosibirsk Oblast (GANO). Fund P-2. List 2. File 107. (In Russian).
34. State Archive of Novosibirsk Oblast (GANO). Fund P-2. List 2. File 247. (In Russian).
35. Shishkin, V.I. (2014) Komandirovka I.V. Stalina v Sibir' 15 yanvarya – 6 fevralya 1928 g. [A trip of I.V. Stalin to Siberia, January 15 – February 6, 1928]. *Nauka iz pervykh ruk*. 3/4. pp. 150–163.
36. State Archive of Novosibirsk Oblast (GANO). Fund R-47. List 5. File 96. (In Russian).
37. State Archive of the Russian Federation. Fund R-393. List 50. File 455. (In Russian).
38. State Archive of Altai Krai. Fund P-4. List 3. File 61. (In Russian).

Received: 07 June 2016